

Гореликов Андрей Иванович

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и архивоведения
Комсомольского-на-Амуре государственного
технического университета

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ УСТРОЙСТВА
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
РОССИИ В 1920-Е ГГ.**

Аннотация:

В статье рассматривается наиболее сложный, динамичный период интеграции коренных малочисленных народов Дальнего Востока в советскую политическую систему.

Ключевые слова:

коренные малочисленные народы, Дальний Восток, общественное развитие, преобразование.

Gorelikov Andrey Ivanovich

PhD in History,
Assistant Professor,
History and Archival Science Department,
Komsomolsk-on-Amur State Technical University

**SOCIAL AND POLITICAL
TRANSFORMATION OF SMALL
INDIGENOUS ETHNIC COMMUNITIES
OF THE RUSSIAN FAR EAST
IN THE 1920-S**

Summary:

The article discusses the most complicated, dynamic period of the integration of indigenous small ethnic communities of the Russian Far East into the soviet political system.

Keywords:

indigenous small ethnic communities, Far East, social development, transformations.

Проблема интеграции традиционных обществ в советскую политическую систему тесно связана с вопросом политической модернизации общественного устройства. Исследование данного процесса требует применения концептуальных подходов теории модернизации, привлечения методологического инструментария различных отраслей гуманитарного знания. В этом контексте наше исследование имеет определенный теоретико-методологический аспект актуальности.

Проводимая государством национальная политика в отношении «отсталых» народов в 1920-е гг. была направлена на сближение их с более развитым русским населением. Шел поиск форм и методов преобразований складывавшегося веками самоуправления в традиционных обществах. Применительно к коренным малочисленным народам Дальнего Востока это нашло широкое отражение во «Временном положении об управлении “туземных” народностей и племен северных окраин РСФСР», в решениях Первого «туземного» съезда Охотского побережья (1924), Второго съезда Советов Николаевского-на-Амуре уезда (1924), Первого Дальневосточного «туземного» съезда (1925). Путем организации советских форм управления надлежало сплотить, организовать малочисленные этнические группы, пробудить у них политическое сознание [1].

На начальном этапе в Хабаровском округе было создано 10 общих сельских советов, в Николаевском-на-Амуре – 40. В их состав входили в Хабаровском округе 19 нанайцев, удэгейцев. В советы Николаевского-на-Амуре округа – 149 нивхов, ульчей, орочей, нанайцев, негидальцев [2, с. 101].

В отдельных этнических группах оседлого населения в эти же годы возникли национальные советы, получившие название «туземных». Первые из них были образованы в Хабаровском округе в 1924 г. – Торгонский и Кондонский [3]. Не имея другой власти, кроме национальных советов, коренное население пыталось многие вопросы решать через них. Первоначальная деятельность национальных советов почти не выходила за пределы традиционных вопросов, решавшихся ранее старым самоуправлением. Советы механически продолжали заниматься несложными, преимущественно административными делами. Они вели учет населения, заботились о снабжении потребительскими и промысловыми товарами, осуществляли сбор разных сведений для предоставления районным исполнительным комитетам, заключали договоры с кооперацией, решали вопросы кредитования, осуществляли надзор и принимали меры по исправлению зимних дорог и мостов через реки, где проходили олени и пешие пути [4].

Зарубежные исследователи единодушны в оценке, что в 1920-е гг. у коренных малочисленных народов были созданы особые формы управления. Характерной чертой этих форм, как считает В. Коларц, было отсутствие ограничений по классовому критерию [5, с. 66]. По мнению С. Данн и Э. Данн, советский режим проявил понимание особых условий народов Севера при создании у них системы советского управления. Эти условия требовали значительной подготовительной работы для того, чтобы эта система могла быть применена к данным народам [6, с. 303]. Впоследствии происходит ликвидация особой системы управления у аборигенных народов и введение

обычной системы управления, что зарубежная историография связывает со стремлением советского режима перейти к радикальному изменению всех сфер их жизни [7, с. 67].

В целях поддержания действенного и оперативного управления и партийно-хозяйственного контроля в местах проживания коренных народов предстояло осуществить административно-территориальное строительство. Для чего требовалось решить сложную проблему этнической классификации многочисленных этнических групп.

Районирование у нанайцев, удэгейцев, ульчей, орочей и других коренных народностей Приамурья и Приморья началось с 4 января 1926 г., когда Президиум ВЦИК принял постановление «Об образовании и районировании Дальневосточного края» [8, с. 110].

14 июня 1927 г. Далькрайисполком принял постановление об организации в пределах Хабаровского округа двух удэгейских районов – Хоро-Бикинского и Самаргинского. «Туземные» районные исполнительные комитеты (тузрики), согласно постановлению Далькрайисполкома от 24 июня 1927 г., строились по национально-территориальному принципу. Они были подчинены в своей работе Ленинскому и Тернейскому райисполкомам, на территории которых находились. С 1928 г. деятельность «туземных» районных исполнительных комитетов (риков) была переподчинена непосредственно Хабаровскому окружному исполкому.

Образование национальных районов предусматривало выделение хозяйственно-жизненных территорий для коренного населения. Наркомзем РСФСР в 1926 г. разработал предварительный план переселения аборигенного населения согласно сконструированной идентичности малочисленных этнических групп аборигенного населения в выделенные территории для создания «туземных» районов [9].

Так, на территории юга Дальнего Востока были созданы Верхне-Буреинско-Тунгусский район с центром в пос. Чекунда, Гольдско-Самагирский район с центром в Найхине, Ульчско-Негидальский район с центром в с. Булава, Нижне-Амурский район с центром в пос. Чертбах, Ороцкий район с центром в стойбище Уська, Сихотэ-Алинский [10]. «Туземные» районы не были административными единицами в обычном понимании этого слова. Они создавались по этнографическому принципу, объединяя коренное население с традиционно сложившейся хозяйственной территорией, которая являлась составной частью административного района, а сами районные исполнительные комитеты подчинялись общим райисполкомам.

Коренные народы, близкие друг к другу по языку, обычаям, хозяйственной деятельности, на протяжении веков никогда не испытывавшие потребности в закреплении своей территории обитания, в плановом порядке объединялись на отведенных им землях. Произвольные, иногда совершенно нелепые решения властей, связанные с созданием или ликвидацией национально-территориальных образований, извращали идею самоопределения. Волевыми решениями, без учета исторических реалий и обычаев векового обитания этнических групп, наспех создавались национальные районы. Национально-территориальное районирование вело к изменению образа жизни коренных народов, многие из них потеряли родовые угодья и привычные места проживания. Смешанное расселение этнических групп осложняло организацию национальных районов по территориальному признаку [11].

Политическая модернизация самоуправления коренных народов сформировала новые временные управленческие структуры советской власти. Создание национальных советов в местах проживания аборигенного населения явилось первым шагом новой власти, значительно облегчающим переход к административному устройству «под одинаковое управление и под одинаковые, общие для всех порядки и законы» политического развития, вовлечения в политическую жизнь советского общества.

Формирование единой советской системы управления, национальных образований создало реальную возможность решения проблемы ускоренного перехода коренных народов от традиционного к индустриальному обществу.

Ссылки:

1. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 2422. Оп. 1. Д. 1147. Л. 333.
2. Зибарев В.А. Советское строительство у малых народностей Севера (1917–1932 гг.). Томск, 1968.
3. РГИА ДВ. Ф. 2422. Оп. 1. Д. 1147. Л. 91.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 3977. Оп. 1. Д. 547. Л. 33.
5. Kolarz W. The peoples of the Soviet Far East. London, 1954.
6. Dunn S., Dunn E. The peoples of Siberia and the Far East // Russia and Asia. Essays on the influence of Russia on the Asian peoples. Stanford, 1972.
7. Kolarz W. Op. cit.
8. Старцев А.Ф. История социально-экономического и культурного развития удэгейцев (середина XIX – XX вв.). Владивосток, 2000.
9. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 1508. Оп. 1. Д. 16. Л. 32.
10. ГАХК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 16. Л. 135.
11. ГАХК. Ф. 353. Оп. 6. Д. 186. Л. 135.

References:

1. *Russian State Historical Archives of the Far East (RSHA FE)*, f. 2422, op. 1, d. 1147, l. 333.
2. Zibarev, VA 1968, *Soviet building in the small peoples of the North (1917-1932)*, Tomsk.
3. *RSHA FE*, f. 2422, op. 1, d. 1147, l. 91.
4. *State Archive of the Russian Federation (SARF)*, f. 3977, op. 1, d. 547, l. 33.
5. Kolarz, W 1954, *The peoples of the Soviet Far East*, London.
6. Dunn, S & Dunn, E 1972, 'The peoples of Siberia and the Far East', *Russia and Asia. Essays on the influence of Russia on the Asian peoples*, Stanford.
7. Kolarz, W 1954, *The peoples of the Soviet Far East*, London.
8. Startsev, AF 2000, *History of Socio-economic and cultural development Udeghes (middle XIX - XX centuries)*, Vladivostok.
9. *State Archives of Khabarovsk Krai (SAKK)*, f. 1508, op. 1, d. 16, l. 32.
10. SAKK, f. 99, op. 1, d. 16, l. 135.
11. SAKK, f. 353, op. 6, d. 186, l. 135.